

17 АВГ 1975

1975 г.

НЕДЕЛЯ

МУЗЫКА ВЕКА

Нет, я никогда бы не осмелился назвать себя другом Шостаковича, но он был мне другом. Его

музыка была моим другом в течение толухека, она была другом всех нас — советских музыкантов, советских любителей музыки и миллионов людей во всем мире. В эти печальные дни я мысленно вспоминал все счастливые «встречи» с его новыми произведениями. Эти «встречи» для меня начались с незабываемого вечера 12 мая 1926 года. Это был счастливый день советской музыки: в Ленинградской филармонии под управлением Николая Малюко впервые прозвучала Первая симфония Дмитрия Шостаковича. Она произвела потрясающее впечатление — светлая, юношеская и совсем уже не юношеская по зрелому мастерству. И новое, свежее, свое, повелительное — шостаковическое и явно русская классическая традиция ошеломили в этой партитуре. Неожиданно введенный роля в скерцо, и «тема судьбы» в третьей и четвертой частях. Тема судьбы! — но ведь это шло от Чайковского! Но как по-своему властно была «повернута» тема рока у Шостаковича! Вы помните, в Пятой Чайковского, в финале финала, Петр Ильич превратил тему судьбы в ликующий, торжественный марш — он как бы хватал «судьбу за глотку» (когда-то эти слова сказал Бетховен о своей Пятой симфонии). Шостакович проделал то же в третьей и четвертой частях своей Первой симфонии. Грозно — в могучих громких лириках звучит тема судьбы, а в конце симфонии Шостаковича она преобразуется в тему борьбы и победы. Юный автор покорял судьбу своей воле.

А после Первой симфонии резкий, решительный крен от традиций к новаторству, к темам революции — во Второй симфонии, «Октябрю», написанной к десятилетию революции и тогда же исполненной в Колонном зале Дома союзов, — как сейчас помню этот праздничный концерт! И в Третьей, «Первомайской» симфонии. Кажется, я не пропустил ни одной шостаковической премьеры: навсегда запечатлелось фортепианное трио, в котором автор исполнял партию роля — трио с задумчивой фугой и бешеным скерцо. И Первый фортепианный концерт, задиристый, искрометный, юмористический, «передрознивающий»... Гайдна. Блистательный, темпераментный пианист, окончивший курс Ленинградской консерватории у известного Леонида Николаева, Шостакович был одним из четырех советских участников Первого конкурса им. Шопена в Варшаве. Как Чайковский, Шостакович не терпел безделья, не умел долго отдыхать, оставаясь без работы. Кончая одно сочинение, он тут же приступал к новому. Он всегда был в музыке, и количество им написанного баснословно! Жажда творчества его буквально не знала. Он, к примеру, написал пятнадцать струнных кварте-

тов, а поставил себе целью написать их обязательно двадцать четыре — во всех тональностях!

Признанный великий симфонист нашего времени, Шостакович сочинял оперы и балеты, романсы и революционные хоры, музыку к кинофильмам, фортепианные прелюдии и фуги, массовые песни — всего не перечесть.

Но что удивительно! Его музыкальный мир был особый, неповторимый, не похожий на другие. И вместе с тем Дмитрий Шостакович с необычайным вниманием и добродетельством относился ко всему новому, талантливому, смелому, что появлялось в творчестве других советских композиторов. Он умел беззаветно любить добро и беззаветно ненавидеть халтуру, претенциозность, душевную пустоту и композиторское зазнайство. Его слух и музыкальная память казались неправдоподобными. Композитор Владимир Фере рассказывал мне такую историю. В середине 20-х годов группа московских композиторов приехала в Ленинград — знакомиться с ленинградскими композиторами. И вот утром среди москвичей выступивший Фере сыграл свою симфоническую сюиту, еще нигде не исполнявшуюся. Вечером москвичи были приглашены Шостаковичем на сеанс в самый большой кинотеатр Ленинграда, где молодой Шостакович тогда играл «под картину» (звукового кино в те годы еще не было). Каково же было изумление и потрясение Фере, когда он вдруг в середине сеанса услышал собственное произведение, которое Шостакович утром прослушал всего один раз!

...Память подсказывает и другое. На художественном совете на радио прослушивалась новая запись Первой симфонии Шостаковича. Присутствовавший А. Б. Гольденвейзер и другие музыканты дали высокую оценку записи. Пришел прослушать ее и автор. Он выступил последним, поблагодарил исполнителей, но добавил, что в одном месте фагот чуть-чуть опоздал и сыграл нечисто. Да, Шостакович слышал самую малейшую фальшь и страдал от любой нечистой ноты.

Дмитрий Шостакович вошел в советскую и мировую музыку как великий трагический композитор. Его трагизм возникал из самой жизни, из тончайшего чувства современности, из ощущения борьбы двух миров, из веры в окончательную победу нового, рождающегося мира, светлой и радостной правды. Это давно известно и давно сказано. Мне хочется добавить другое: Дмитрий Шостакович был нежнейшим лириком! Да, да — нежнейшим, поэтом-лириком. Это была всеобъемлющая душа, душа легкоранимая и вместе с тем мужественная, сочувствующая, страдающая и любящая свой народ, свою Родину. И эта душа, великая душа гения была источником его бессмертной музыки.

М. СОКОЛЬСКИЙ.